

С(нен)
Л24

СОВРЕМЕННИК

Леонид Лапцуй
НА СТРУНЕ
ВРЕМЕНИ

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТЬ •

Ненецкий поэт Леонид Лапцуй родился на Севере в семье ненца-оленовода. Журналистская практика столкнула его со многими людьми, решающими проблему сегодняшнего Севера: с охотниками, звероводами, геологами, буровиками, нефтяниками. Л. Лапцуй не просто хорошо знает жизнь, быт, историю своего народа, своего ненецкого края. Север и тундра — это судьба автора. И если для некоторых поэтов Север — это романтика «белого безмолвия», то для Л. Лапцуя — это многоголосая, многогранная жизнь, где сквозь седину видавших виды вьюг, проносившихся над чумами, над рокотом шаманских бубнов слышится мужественный голос нашего современника, осознавшего свою силу над слепой стихией, вставшего над ней во весь свой рост, чтобы осуществить право человека, хозяина земли.

Поэт активно участвует в трудовой и общественной жизни своего края. Может быть, именно потому в его стихах чувствуется постоянная деловая озабоченность настоящим и будущим Севера, настоящим и будущим людей, которых он хорошо знает, в которых верит, с которыми встречает каждый новый день.

Леонид Лапцуй

**На струне
времени**

Стихи и поэмы

Перевод с ненецкого

Москва · 1975

Лапцуй Л. В.

Л 24 На струне времени. Стихи и поэмы.
Пер. с ненецкого. М., «Современник»,
1975.

77 с. (Новинки «Современника»).

Поэзия Леонида Лапцуя склонна к повествовательной интонации, близкой к балладному жанру. Книгу отличают любовь к родному Северу, к суровым и мужественным людям — охотникам, оленеводам, геологам.

Стихи Лапцуя таят скрытую энергию, их образная система насыщена почти физически зримыми предметами края.

Л $\frac{70403-205}{M106(03)-75}$ 195—75

С (Нен)

Олени бегут на восход (Поэма)

*Татьяне Салиндер,
делегату XXIV съезда КПСС,
посвящаю*

Огромный небосвод стального цвета.
И берега, одетые в туман.
Но золотые отблески рассвета
Уже несет на гребнях океан.

И облака, окрашенные ярко,
Как будто солнце поджигает их,
Пылают в небе весело и жарко,
Как факелы на вышках буровых.

А вот и солнце огненное всплыло,
И на ладони северной земли,
Смеясь, оно как будто бы застыло
На миг горячей сонкою вдали.

И, горизонт глазами обнимая,
Глядит Ямал приветливо окрест.
В далекий путь
Ямала дочь родная
Летит сегодня — на партийный съезд!

Ей руки жмут у трапа ярсалинцы —
Пенсионер, с цветами пионер...
Ты Расскажи о Севере столице,
Татьяна Николаевна Салиндер!..

Она кивает молча головою:
Доверья, мол, ни в чем не обману...

Промерзшим камнем
Снежная равнина
Под звонкими полозьями поет.
Упряжки вереницею гусиной
Стремительно уходят на восход.

Слетают ключья пены с губ оленя,
Хватает горстку снега на ходу,
И, утоляя жажду на мгновение,
Снежинки тают в жарком алом рту.

**И облачко дыхания,
  как иней,
Песлышно оседает на людей.
Летят упряжки.
И поют над ними
На дужках колокольца,
  как ручей.**

Они веселым звоном тундру будят.
Бегут упряжки по сухим снегам.
Спешат олени,
А быть может, люди
Спешат к своим далеким матерям...

**На розовый восход бегут олени
(О, северная быстрая душа!)
Напиться вдоволь
                        радости весенней
В конце пути
                        из звездного ковша...**

Но вот стекло заволокло туманом,
Размылись очертанья берегов,
А самолет, гудя, пошел тараном
На снеговую толщу облаков.

На миг темнее в самолете стало.
И плотных туч седая пелена
Его, как лодку,
  вверх и вниз швыряла,
Легко, как океанская волна.

Но тут же
  сквозь тяжелый пласт белесый
Пробился он к высотам голубым.
И, словно океанские торосы,
Сверкнули облака уже под ним.

Пел самолет
  стремительную песню.
Парил орлом
  в спокойной высоте.
И Салиндер Татьяна в мягком кресле,
Как будто лебедь белая в гнезде.

А самолет,
Подобно колыбели,
Покачивался,
  словно на волнах.
Не потому ли мысли налетели
О детских позабывшихся годах?..

И медленно поплыли перед взором
Умчавшегося детства времена —
То прошлое Ямала,
О котором
Без боли вспомнить не могла она.

Свиваясь, мысли кольцами аркана
Уже летят в мигувшие года.
Задумчивая девочка Татьяна!
Взошла какая над тобой звезда?..

Когда рождался мальчик —
 Песни пели
 И танцевали,
    позабыв про сон,
 И веселились —
    целую неделю —
 Так было с незапамятных времен.

Пусть буйствуют
    колючие метели,
 Не устоять
    на ледяном ветру —
 Из дальних стойбищ
 Все равно летели
 Упряжки к негасимому костру.
 Не зря торжествовали предки наши:
 Родился мальчик!
 Значит, есть кому
 Тропу отцов
 Торить веками дальше...
 И поклониться ехали к нему.

Когда рождалась девочка —
 Молчали,
 Угрюмо,
    как седые валуны.
 И были мысли,
 Полные печали,
 Как северная ночь —
    темным-темны...
 А в чуме Салиндера Николая
 Четырнадцать детей —
 Все до одной
 Девчонки!

Вот стряслась беда какая!
Отец-то был уже не молодой...
В его душе гостила постоянно
Тоска — черней вороньего крыла.
Четырнадцать девчонок!

И Татьяна

Среди сестренек старшею была.
Она водила младших за собою
По тундре,

словно выводок утят.

Их нянчила,
Мирила их порою,
Бранила,

если очень нашлаят...

Запомнился Татьяне व्यужный вечер.

Кружился на просторе ледяном

И налетал на чум свирепый ветер.

И грустным был отец перед костром.

И медленно,

Как будто было больно

Ему слова такие говорить,

Несвесело промолвил:

«Птицей вольной

Не хватит ли тебе, Татьяна, быть?..

Теперь глазами станешь ты моими —

Иди к оленям!..»

Было испокон

Да и теперь на севере, поныне

Отцово слово каждое — закон!

Закон —

хотя оно порою —

словно

Над головою поднятый хорей...¹

---

¹ Хорей — длинный тонкий шест для управления оленями.

Издадека оленя узнавала
По хорканью, на ветровой волне.
Аргиши на фактории Ямала
Вела не раз по снежной целине.
Полозья нарт
Среди холмов скрипели,
По руслам рек,
По проседи дорог,
Одну из тех старишних песен пели,
Что до конца никто пропеть не мог.
Случалось, догонял ее ветрами
Буран, кружась и воя на снегу.
И Таня, куропаткой в снежной яме,
Пережидала злобную пургу.
И помнится, однажды, как в тумане,
Не чувствуя уже ни рук, ни ног,
До дому добралась едва Татьяна
И рухнула бессильно на порог.
Костра живое пламя танцевало,
Отбрасывая блики по углам,
В остуженные губы целовало
И ластилось к обветренным щекам.
Шептала неразборчиво, кого-то
Она в бреду горячечном звала,
Мерцали струйки ледяного пота,
Сама пыталась встать —
Да не могла...
Смотрели молча сестры на Татьяну
Глазами, покрасневшими от слез.
Отец не разрешил позвать шамана,
А доктора издадека привез.

...Летели дни гусиным караваном.
Шло время непрерывной чередой,
Качаясь ледовитым океаном,
Следы людские унося с собой.

О детство, где ты? На оленьих тропах?
А может быть,
Однажды на бегу
Споткнулось ты
И вот теперь в сугробах,
Нелегкое, осталось на снегу?
Теперь она все чаще замечала
Украдкой заглядевшихся парней.
Девчат не мало на земле Ямала,
Но парни увиваются — за ней.

А в лягушке узорчатой и пестрой,
Да если косы заплетет до пят, —
То никакие модные прически
Перед ее красой не устоят.
Краса — красой..
А как аркан бросала —
Не хуже самых удалых парней!
Придет с оленьих троп домой, бывало,
И словно чум становится светлей.
К костру подсядет,
Вспомнит о просторах,
Равнины внешней звездную росу,
И весны повторяются в узорах,
Которые ложатся на кису¹.
Как тетива,
Оленьи жилы пели
В руках у мастерицы,
И киса
Была такой,
Как будто в самом деле
На ней порхали птичьи голоса.
И стойбище ее повеселело.

---

¹ К и с а — меховой сапог, расшитый узорами.

К нему издалека, со всех сторон,
Теперь съезжались гости.
То и дело
Катился бубенцов веселый звон.
Соревновались в ловкости и силе
У чума парни.
Шумною толпой,
Откинув капюшоны, в чум входили.
Шел пар от них,
Как от ручьев весной.
И каждый руку предлагал Татьяне...
Отец смотрел на языки огня.
Казалось, будто перед ним не пламя,
А яркий полог завтрашнего дня.
И шевелились, словно тени веток,
Морщины на его широком лбу,
И должен был отец своим ответом
Определить Татьянину судьбу.
И наконец,
Взглянув подслеповато,
Седой и строгий,
Говорил гостям,
Что замуж ей пока что рановато,
Еще не вышла дочка по годам.

...Был самый комариный месяц лета,
Когда беда расправила крыла.
Начавшись далеко-далёко где-то,
Война печалью в каждый чум вошла.
Фронты, взрываясь, ждали помощь тыла.
Земля качалась в крике и огне,
И одиноко и тревожно было
В притихшем чуме думать о войне.

...Нахмурился, напрягся день осенний,
И кажется, торосы тащит он.

И ходят по Оби в шипящей пене
Заснеженные перекаты волн.
И медленных тяжелых туч аргиши
Плывут почти над гребнями валов.
Свиристует река.
Но все же вышли
На ловлю рыбы лодки рыбаков.

Наперерез волне,
Чей гребень острый
Поднялся, как гигантское крыло,
Они плывут.
И девушка-подросток
Сидит, держа переднее весло.
И только об одном не забывает —
За ней другие шестеро гребцов.
А неводник гагарою ныряет,
Вдруг исчезая между бурунов.
Внезапно гребень вспененного вала
Его высоко возносил рывком.
Бросало лодку.
Как она справлялась
С большим неповоротливым веслом!..
Никто не знает —
Не слышали жалоб,
Хоть и была суровая пора,
И чудилось весло огромным жалом,
И тяжелее было,
Чем вчера.

А на руках кровавые мозоли
Пылали, словно их огнем прижгло.
Но, только губы закусив от боли,
Всем телом налегала на весло.
Слезились тучи мглистые дождями.
Но продолжался лов.

И Салиндер
В разбухшей робе,
наравне с парнями,
Трудилась так — что ставили в пример.

Нет-нет да и припомнится Татьяне,
Как посреди нетронутых снегов
Она когда-то ставила капканы,
Найдя цепочку узкую следов.
Как всякий житель древнего Ямала,
Она уже и в детские года
Характер и повадки лисьи знала,
И всякий след читала без труда.
Теперь, над черно-бурыми хозяйка,
Она, питомцев полюбив своих,
Порою все же погрустит утайкой,
Припомнив оленят и оленях.

На плечи ей, судьбой не обделенной,
Но вышившей немалый ковш беды,
Легли года работы напряженной,
Как тучи на Уральские хребты.
Избороздили резкие морщины
Ее открытый и широкий лоб,
Как снежную Ямальскую равнину
От края и до края нитки троп.

*

Так тянутся аргишными следами
По тундре мысли через весь Ямал.
Но резко самолет качнул крылами
И ту цепочку мыслей оборвал.
Еще внизу толпились в беспорядке
Торосы туч.
Слепила снежева...

Но все уже готовились к посадке.

Все —

через пять минут уже — Москва!

Каким коротким

До Москвы от тундры

Сегодня оказался перелет:

Еще стоит в глазах Татьяны утро,

И в них бегут олени на восход...

Хорей

Мой дед с одним ножом, без топора,
Оленьи нарты мастерил умело.
Легко делил он ствол березки белой,
Как хрящевую спинку осетра.

Пока закат над тундрой догорал
И солнца луч сверкал, уже не грея,
Дед создавал упругий шест хорей,
И славен был он тем на весь Ямал.

Хорей! Под свист его мы с давних пор
Для песен подбирали слово к слову,
И если он бывал случайно сломан —
Смолкала песня, замирал простор.

Храню я с детства памятный хорей,
Березовый, подаренный мне дедом,
Легко приподниму его, и следом
Олени встанут в памяти моей.

Оленьих глаз смолистый кроткий взгляд...
С точеным древком вижу я слиянье
Лучистого полярного сиянья,
И руки пенца — в них хорей зажат!

Река проснулась с неохотой
И вдруг запела:
— Не зевай!
Давай, хозяин, мне работу,
Нагрузку полную давай...

И, нагнетая бревен порох,
Она к знакомой стороне
Несет в невыстроенный город
Плоты на взмыленной волне.

В ней рыбою пружинят воды...
И, подчиняясь рыбакам,
Причаливают мотоботы
К ее ожившим берегам.

С ней не шути —
Крутой и дюжей, —
Не то в холодной синеве
Она порою так закружит,
Что помутнеет в голове.

Поет в разбуженных затонах.
И там, где пенится изгиб, —
Вывинчивает из воронок
Недолговечные круги.

**А рядом в солнечном просвете,
Касаясь лодки рыбака,
По ней, как белые медведи,
Плывут вразвалку облака.**

Солнца луч сверкнет хореем —
Как весенних рек вода
К морю Карскому — на север
Аргишей летят стада.
Бьет в лицо упругий воздух.
Весь рогатый городок
Вешним утром из совхоза
Мчит на северо-восток.
Пар течет с оленьей шубы,
Яркий снег слепит глаза.
Солнце то огромным бубном
Вдруг взлетает в небеса,
То у речки за осокой
Виден мне его прищур, —
Сядет, как пастух, на сопку,
На минутный перекур...
Я ветфельдшер из «Восхода» —
Северных зверей лечу.
Можно мчаться полным ходом —
Гнать оленей не хочу.
Я бы гикнуть мог, конечно,
Да достаточно вполне
Служит верная уздечка
Из моржовой шкуры мне.
Белолобого оленя
Я поставил вожаком —

---

¹ А р г и ш и — санный поезд из оленьих упряжек.

По оленьему велению
Все за ним бегут гуськом.
Будто в паводок весенний,
Тундра волглая пестра.
Словно шли здесь не олени,
А пахали трактора.

В распахнувшиеся дали,
Океанскою волной,
Все стада, стада бежали
За аргишами рысцой.
Кто легко бежал,
кто грузно,

Поспевая вслед едва,—
И в снегу пробили русло
Вдоль речного рукава.
Разморило солнце жаром,
На буграх подтаял снег,
И земля дышала паром,
Будто дышит человек.
Молодые олениа,а,
Громко фыркая, неслись...
Солнце шло уже к закату,
А туман тянулся ввысь.
Он лебяжьим легким пухом
Обволакивал костры.
На привале где-то глухо
Застучали топоры.
И озерные затоны,
Как глаза огромных щук,
На заре ошеломленно
Разом высветились вдруг.
На воде нырки резвились
И гонялись за волной,
В буре крыльев проносились
Табунами надо мной...

От стоянки до стоянки
По снегам мелькает тень,
Будто в люльке-берестянке
Я качаюсь целый день.
У болот бугрятся кочки —
От езды в глазах рябит,
Нарта прыгает по-волчьи
Вслед за чавканьем копыт.
Подо мной земля рябая —
Талый снег как решето.
Вот весной езда какая
В приозерье Ярото!

Под месяцем острым
 У зимней реки
 По чумам на шкурах
 Сидят пастухи.
 Над чумами ночью
 Мерцанье звезды,
 Метутся дымочки,
 Как лисьи хвосты.
 Пасутся олени,
 На волнах снегов
 Качаются тени
 Оленьих рогов.
 На стойбище тихо,
 И клонит ко сну.
 Но рев оленихи
 Пронзил тишину...
 Не ждали беды,
 Да наведалась к нам —
 Полярные волки
 Подкрались к гуртам.
 Отхлынуло стадо
 Прибоем морским,
 Кишит водопадом,
 Сверкают клыки...
 Рычанье и визг
 Подоспевших собак,
 Кровавые клочья
 На волчьих зубах.

Матерые волки.
Хрипящий олень.
Скользнула с дустволкой
Девичья тень.
Два выстрела верных
В рычащий оскал —
Свалились два зверя,
А третий сбежал.
Девчонка шальная —
А с виду тиха...
Так вот ты какая,
Дочь пастуха!

Быть охотником не просто.
Кто-то может и сробеть,
Если рядом, рыкнув грозно,
На дыбы встает медведь.
Малый зверь — петляет ловко,
Ты распутываешь след...
Стоп. Заминка. Остановка.
След исчез, и зверя нет.
Зверь над пропастью крадется —
Ты нырнул за снежный ком.
Он подпрыгнет — ты пригнешься,
Он ползком, а ты прыжком.
Горностаем выгнешь спину,
Шею вытянешь, как гусь,
И сжимаешься пружиной,
Прошивая взглядом куст.
На обрыв взлетишь без страха,
Зверь с обрыва — следом ты...
В щель пролазишь росوماхой,
Птицей смотришь с высоты.
Догоняешь глазом быстрым
Белоснежного песка,
Он мелькнет хвостом — по выстрел
Опрокинет хитреца.
Быть охотником толковым
Нелегко — попробуй сам.
Я охотника любого
Угадаю по глазам,

По сноровке, по походке,
По уменью жечь костер...
Весь он крепкий, ладный, ловкий,
По душе ему — простор.
С малолетства закалялся:
Под обвалом ночевал,
Между льдинами купался,
Взгляд отточен, как кинжал.
На охотника такого
Походить бы я хотел, —
Напряженным, гибким словом,
Мыслью, бьющей точно в цель.

Морошка

Родное приволье.
Средь лежбищ тумана,
Где кочки, как волны,
Как рябь океана,
Спускаюсь в ложбину,
Под локтем — лукошко,
За алой, за винной,
Медовой морошкой.
Кудрями березка
К земле припадает,
В холодные росы
Тропинка ныряет.
А солнце доверчивым
Зайчиком пляшет,
То прыгнет на плечи,
То под ноги ляжет;
То ловит меня,
Как оленя, арканом
И тянет и тянет
К веселым полянам.
Листом заслоняясь,
Как будто ладошкой,
Глаза свои светлые
Прячет морошка.
Я к ней подбираюсь
По кочкам замшелым,
Я низко сгибаюсь
К губам ее спелым.

Она, как невеста,
Меня приветчает
И солнца улыбку
На ветке качает.
Пропахший морошкой,
Пропахший землею,
Я в травах умоюсь
Росой ледяною.
С родимой землей
Мне нельзя разлучиться —
Глазами морошки
Вся тундра лучится!

Перемены, перемены —
 День за днем, за годом год...
 Чум покинув, старый ненец
 Новой улицей идет.
 Мимо изб гудят моторы —
 На снегу колесный след.
 Дом еловый на пригорке,
 Из окошек плещет свет.
 В доме том тепло да сухо.
 На крыльце его семья,
 Щурится жена-старуха,
 Рады дому сыновья.
 Губы дрогнули в волненье,
 О порог запнулся взгляд,
 Память мечется оленем,
 Память пятится назад.
 Там за речкой, рядом с чумом,
 Спят на ягеле снега,
 Там встает огромным чудом
 Коренастая тайга...
 Кочевали поколения...
 Оленины терпкий дух,
 Меха оленя, бег оленя
 Как забудешь ты, пастух?
 Свет озер, полоску моря,
 Воздух рвущие стада...
 Дом корнями врос в пригорок.
 Столб подносит провода.

На былом кочевье где-то,
Словно дней минувших след,
Старый чум, продутый ветром,
Засыпает белый снег.

Моторка на речной равнине,
 По хрупкой глади слюдяной,
 Плышет, как гордая гусыня,
 Вода вскипает за кормой.
 И волны с плеском опадают,
 И лопаются пузырьки,
 Как будто в заводи играют
 Густые рыбы косяки.

Старик-рыбак свою моторку
 Ведет по россыням зыбей,
 Скользит с волны,
 Как в партах с горки,
 И руль сжимает, как хорей.

В который раз он реку мерит!
 Льет солнце бронзу
 В синь излук,
 На лоб его, крутой, как берег,
 На кожу щек,
 В морщины рук.

Бегут направо и налево
 Два пенных гребня за кормой,
 Раскрывшийся гигантский веер
 Моторка тащит за собой.

Но угасают постепенно
И суетливая волна,
И белые разводья пены.
Вновь над рекою тишина...
Закат целуется с водою,
На близких мелях светит дно.
Притихла тундра...

Но такое
Лишь песне выразить дано.

Запел старик...
Еще начало...
Один напев —

пока без слов,
В ладонях воли река качала,
Как отдаленный гул громов.

Но вот уже возникло слово,
Свои расправило крыла,
Над тундрою,
В лучах багровых,
Как лебедь, песня поплыла.

Какая сила в ней дышала!
Металась песня в облаках
И синей молнией сверкала —
И ухал гром на берегах.
То затихала вдруг
и словно
Скользила вдоль одной струны.
И перышком ложилось
слово
На гребень вспененной волны.

Он пел о девушке-поморке,
О переменчивой судьбе,
О предках,
                о своей моторке,
О новой жизни — о себе.

Олень

Он в тундре живет с незапамятных пор,
И Север представить нельзя без оленя.
Олень — это тундры пятнистый ковер,
Ее вдохновение, ее откровенье...
Ветвистое чудо — оленьи рога!
Они, как излучки Приобья родного,
Как руки грозы,
Как сполохи огня
В морозных узорах стекла ледяного.
Олень!
Он в упряжке — живая струна,
С глазами как черные ночи Ямала.
Ты знаешь, оленю какая цена!
Хорошая песня — цены не знавала.
Он словно стрела
В тетиве построшков,
Натянись — и прынет по тундре безбрежной.
Отыщет жилье в крутоверти снегов,
Не бросит хозяина в саване снежном.
Хозяин ты иль уважаемый гость —
К тебе он идет горделивой походкой...
Весной в зоопарке однажды пришлось
Увидеть его за высокой решеткой...
И вздрогнули чуткие ноздри.
На нас
С тревожной тоской,
Удивленно
И немо

Глядели озерные впадины глаз,
И в них отражалось весеннее небо.
Он рядом стоял, и на тонких ногах
Мне шерсть показалась травой прошлогодней.
Он здесь за решеткой,
А сердце — в снегах,
Где жил он когда-то,

как ветер свободный.

Во взгляде тревожном застыла печаль,
Узнал я с трудом в нем давнишнего друга.
Он спас меня ночью,
Умчал меня вдаль
От мест, где гуляла смертельная вьюга.
В краю белоствольных кудрявых берез
Оленю нелегкая участь досталась.
Не ягель весной под копытами рос —
Трава-мурава порыжевшая стлалась.
Олень тосковал по природе родной,
Одежду мою он обнюхивал жадно.
Казалось, открой только дверь — и за мной
Он тут же на Север помчится обратно.
Он с грустью глядел на гряды облаков,
Как будто он чуял далекие ветры.
И я отвернулся.
Но жалобный зов
Во мне никогда не умолкнет, наверно.

Это кто ревом
Огласил берег,
Всколыхнул море?
Не медведь белый
Упустил нерпу
И дерет горло...
Это кто буйный
Табуны в тундре
Согнал в кучу?
Не медведь бурый...
То валун в бездну
Полетел с кручи.
Кто холмы снега
Обвалил с неба
На рога стаду?
У волны — зубы,
У ветров — когти,
Земля — адом.
Кто пинком птицу
Согнал с лунки?
Душа в пятки,
Семят в страхе
Мохноногие
Куропатки.
И в кружок лепятся,
И гуськом движутся,
Друг за дружкой,
Заслонив крыльями

Слабосильных
И неуклюжих.
На волне скорой
Гомонит вьюга,
Визжа в уши.
Завернув в стадо,
Отняла друга,
Унесла душу.
В суете ночи,
Обломав крылья,
Оборвав перья,
На холмах-кочках,
Заглушив сердце,
Ревет зверем.
Лишь буран крикнет —
И в людском сердце
От него слезы.
Отшумев, сникнет,
Улетит к звездам —
Да уже поздно.

Без углов и без окон,
Узок чум, как пора.
Ловит звезды, как око,
Дымовая дыра.
Над моей колыбелью
Утро щурит глазок
И усами шевéлит.
В темноте, как зверек,
Я закутался в шкуры.
В чуме вспышка огня.
Затопивши печурку,
Мама будит меня.
Медвежатами братья
Завозились впотьмах.
Я в одежде рыбацкой
Уже на ногах.
Мама хлеб разломил,
Стол придвинула мне:
Старший сын я — кормилец,
Наш отец на войне.
Бой гремит в Сталинграде,
Взрывы, смерть и огонь...
Я в колхозной бригаде.
Волдырится ладонь.
В голове гул прибоя.
Я с кедровым веслом.
Штормовые гурьбою
Волны прут напролом.

Возвращаюсь по склону —
Месяц над головой.

В чум, как в пору мылонок,
Влезу, еле живой.

Детство — мокрое небо,
В лодке, в шубе — вода...
Ломтик вязкого хлеба,
Невода, невода...

Материнские слезы

Зима, зима...
Снежинок столько,
Что не сочтет и сам мороз!..
Земля, земля...
Скажи мне, сколько
Ты знала материнских слез?

Над головою неба бездна
Блестит падучею звездой.
На всей земле не сыщешь места,
Не обожженного слезой.

Белы полярные просторы,
Озера заковал мороз.
И тундра кажется мне морем
Застывших материнских слез.
Всему свой срок,
Но одиноким
Я не останусь под луной.
Снежинки падают на щеки,
Как слезы матери родной.

Скажу я правду, друг,
Послушай,
Мать слез немало пролила.

Сугроб ей в тундре был подушкой,
На нем тебя и родила.
И в бранный час отчизны грозный
Благословляла сыновей,
Но в жизни выплакать все слезы,
Наверно, не удастся ей.

О! Мать и брови не нахмурит,
Уйдет в глубь чума,
В уголок,
Приляжет на оленьей шкуре,
Обиду выплачет в платок.
Твой сын шустренок-забияка,
Такой смышленный мальчуган —
Тайком и свой добавит сахар
Любимой бабушке в стакан.
И у нее душа оттает,
Как под лучом бельмо стекла.
А нам-то, взрослым, не хватает
Порою капельки тепла.

Прошла война,
Утихли грозы...
И стало будто бы теплей...
Но почему я вижу слезы
В глазах у наших матерей?
Слезами залита планета.
Ты каждой каплей дорожи.
Ты без стеснения об этом
Скажи своей жене, скажи!
Она поймет тебя, тем боле
Что и сама ведь — тоже мать,
Ей тоже материнской доли
Не миновать, не миновать...

**Идут года,
Взрослеют дети...
О, материнская слеза!
Всю жизнь нам неизменно светят
Любимой матери глаза.**

Белые ночи

Разметав одеяла цветных облаков,
Как ребенок ленивый и сонный,
Жмурясь, смотрит на крыши,
На прясла дворов
Круглолицее вешнее солнце.

Задымился сугроб,
Будто горный хрусталь,
Отражая огни зеркалами,
Ослепительно блещет волнистая даль
И в глаза мне стреляет лучами.
То озябшую землю — родную сестру,—
Возвратясь, согревает светило.
И зима задымилась,
Подобно костру,
Ручейками с холмов покатилась.
Бороденкою мох
У разводьев болот,
За рекой куропатки хохочут;
К нам в ликующих клювах
Любовь и тепло
Принесли белокрылые ночи.
Косяки лебедей,
Косяки облаков,
Самолеты снуют в поднебесье.
На разливах озер да утиных лугов
Начинаются брачные песни.

Ах вы белые ночи!

Орлы-журавли!

Вы скажите, скажите, откуда

На поляну под окна мои занесли

Огоньки голубых незабудок?

Прерванная песня

Я снегом умывался по утрам,
И розовым огнем горело тело.
Я шел навстречу бешеным ветрам,
Бродил по самым дальним тропам смело.
Болезнь ко мне не заходила в дом, —
Я понаслышке знал об этом горе.
Как будто солнце теплым языком
Мои мгновенно слизывало хвори.

И мне казалось —

буду жить века...

Но вышло так,
Что я лежу в больнице.
Повисла моя правая рука,
Как малицы пустая рукавица.
Лежу,
скриплю зубами, все кляня,
И не пишу.
И в сердце нет отваги.
Какая пытка — эта простыня,
Она сейчас как чистый лист бумаги.
Еще не скоро, говорят врачи...
А мне мои стихи ночами снятся,
И что-то шепчут в уши,
И толпятся,
И сердце распирают —
хоть кричи!..

...И вдруг, среди больничной тишины,
Услышал тихий я напев, в котором
Знакомый всплеск тугой речной волны
И гул ветров,
Летающих по просторам.
Я глянул на соседа-старика.
Стонал он.
Грудь его вздымалась трудно.
И, чтобы боли заглушить слегка,
Он тихо пел,
Припоминая тундру.
Давнишняя болезнь бродила в нем,
Высасывала, как из кедра, соки.
Сжигаемый неведомым огнем,
Лежал старик худой и одинокий.
Глаза его запавшие пусты.
И слышались космы ягельного цвета.
И я подумал:
«Неужели ты?
Прославленный охотник...
Ты ли это?..»
От песни было легче старику,
Когда душа о боли забывала.
Журчал мотив, подобно ручейку,
В просторы бесконечные Ямала.
Я слышал в нем,
Как тихо по снегам
Мороз на ледяных крадется лыжах.
Как дым костров уходит к облакам
И как бегут стада оленей рыжих.
Простая песня,
На своей волне
Укачивала, словно в колыбели,
И я уснул,
И до утра во мне
Ее ветра, ее дороги — пели.

А утром я увидел,
что пуста

Его кровать...

И песни больше нету.

А он не просто боль глушил тогда,

Старик прощался с тундрой

Песней этой.

Не спать бы мне,

Дослушать до конца..

Да говорят — умолк на полуслове.

С рожденья песня входит к нам в сердца,

А в смертный час — стоит у изголовья.

Я не дослушал песни старика,

Но лишь едва весна ручьями брызнет,

Она летит ко мне издалека

На крыльях птиц,

Живая —

Песня жизни!..

Дыхание земли

Буровому мастеру Изанову П. И.

1

Что, Пуровская древняя тайга,
На нас глядишь так дико и угрюмо?
Молчишь,
Как будто долгие века
В тебе живет мучительная дума.
В мохнатых лапах старых кедрачей
Качаются, как в люльках, комья снега.
Не пел костер в холодной мгле ночей,
И не звучал здесь голос человека.
Вздохнет под кедром сумрачный сугроб.
Выглядывают кочки — словно совы.
И ниточки глухих звериных троп
Расходятся, чтоб где-то слиться снова.
Как туча, дышит тяжело тайга.
Внезапно, немоту снегов нарушив,
Как будто отдаленный свист пастуший,
Встревожит чащи посвист ветерка.
С какой ты вестью,
Ветер верховой?..
Шуршат деревьев чуткие верхушки...
Вдруг молния ударит над тайгой —
И эхо разбежится по опушкам.
От молнии ослепшая луна,
Глядишь, и снова тускло замерцала.
Тайга качнулась,
Будто бы волна
Пршла по ней
и выдохлась помалу.

На холм спины откинувши рога,
Из чащи тихо выбрался сохатый.
И видит он:
Освещена тайга
Огнями небывалого заката.
Скосил большие ягодины глаз,
Напряг все мышцы он, не понимая,
Что там такое?
Может быть, сейчас
Идет сюда лавина огневая?
А пламя над тайгой все растет,
Огромными багровыми руками
Приподнимая бледный небосвод
Над робкими притихшими снегами.
Огонь неудержимо рвется ввысь.
На ветках, нервно шевеля хвостами,
Заволновались белки,
Понеслись
Летучими мышами меж стволами.
Земля опять качнулась и опять
И задрожала, словно от испуга.
И звери в чаще начали кричать,
И страх все рос, как огненная выюга.
Пришла в движение древняя тайга.
Подальше от огня, взирая слепо,
Неслышно отползали облака,
Бездонное распахивалось небо!

2

Сегодня,
Искрошив хрустящий наст,
Пробили буры вечные мерзлоты,
Проснулся новый газоносный пласт
И взвыли непролазные болота.
Природа!
Волю дай — пойдет в разгул.

Она неудержима и сурова.
И слушают глухой подземный гул
Буровики бригады Иванова.
Газ, продремавший долгие века
Под Пятковской землею,
С диким ревом
Рванулся вверх,

и таяли снега,
Расплавленные заревом багровым!
На алый танец жадных языков
Глядит все неживое и живое.
И жалят искры тело сблаков.
И кедры, присмирив, стоят толпою.
И понимают, им несдобровать.
Пробив дымы зелеными рогами,
Они бы тоже кинулись бежать,
По зыбким топям шлепая корнями.
Не вытянуть корней и не уйти,
Качаются деревья обреченно.
Клокочет долгий звук у них в груди
Подобьем человеческого стога.
Пострескивает рыжая смола.
Сгорают кедры с молчаливым плачем.
Земля, что их когда-то родила,
Вдруг обожгла дыханием горячим.
Катился в глубь тайги гудящий вал,
Как будто жадно обнимался с веком,
Стволы и лица жарко целовал
Огонь, освобожденный человеком.
Что делать, если у детей земли
Всегда сопряжено рождение с болью.
Уже и травы землю оплели,
И поросль пробивается на волю.
Кому-то жить,

кому-то умирать,
Кому-то на земле моей родиться...

А газ по трубам будет кочевать,
В домах сияньем северным светиться.
Когда огонь дохнул в лицо снегов
Холодного и сонного Ямала,
Я помню, как над спинами холмов
Полярное сиянье танцевало.
Как будто после долгих лет разлук
Сошлись они — два северных сиянья,
И видел я над Севером слиянье
Протянутых друг к другу братских рук...

Работа

Костры, костры
На снежном поле..
И пусть лицо секут снега,
Я все равно бесстрашно болен
Твоей романтикой, тайга.

Пускай мне трут в походе плечи
И жгут рюкзачные ремни,
Но чем с тобою чаще встречи,
Тем для меня счастливей дни.

Мы без подсказок знаем сами:
Приходят радости не враз,
Но все, что делается нами,
Потом работает на нас.

На струне времени

(Поэма)

Вступление

О тундра! Я с шубой пушистой
Сравню ли твой зимний убор?
А майское платье расшито
Каймой голубсю озер...
Пастушьи твои караулы
Обсыпаны звездной пургой.
Дорог реактивные гулы
Качаются над головой.

О тундра! Как девушка-ненька,
С прищуром охотничьих глаз.
Заезжему гостю оценка
С улыбки твоей началась.
А тучами брови насупишь —
Упрям леденящий твой взор;
Иглою узоры рисуешь
На стеклах огромных озер.

...Я слушаю в чуме преданья.
Костер раздувает бока.
Семь дней и ночей непрерывный
Тянулся рассказ старика.
Сучил он занятную пряжу —
Из ветхой кудели времен.
Не хватит и месяца даже
Дослушать легенды племен.
Жизнь тундры ветвится корнями
В глубинах забытых эпох.

Волнистый ненецкий орнамент
От древних пошел мастеров;
В нем радуги лад семицветный,
Спираль оленьих рогов,
Листочки с березовой ветки
И звездные искры снегов.
Узор окаймляющий тонок
По полам и по рукавам...
И гибкая стать амазонок
На Севере ведома нам.
Мы ценим героев отважных,
Машин изумляющий бег.
Стрелою оленья упряжка
Влетела в космический век.
Пугают оленя моторы,
Обгонит его вездеход.
И ненцев железная скорость
На трактах рванула вперед.
Мне чуточку жалко оленя:
Рогач подревней лошадей.
Но трактор пошел в наступленье,
Ворвался в дыханье полей.
Что ж, все мы у времени дети;
В горячих песках иль в снегах --
Упругие волны столетья
Теснятся в земных берегах.

Пасутся олени в низинах,
Мой смелый, сметливый народ
Садится к штурвалу машины,
В буране ведет самолет.
Зачем мне махать кулаками?
Но помню одно и сейчас,
Как царский историк лукавый
Назвал самоедами нас.

Нет, мы не лежали в берлоге
У быстрых наезженных трасс!
Народ мой отстал по дороге,
В глубоких сугробах увяз.
Но цепок, как корень Ямала,
Живуч он, подобно траве,
Великая мудрость дремала
В лохматой его голове.

...Закончив легенду, смолкает
Обычно сказитель-старик,
Без цели не машет руками,
Не чешет без смысла язык.
Дымок его трубки клубится.
Качая седой головой,
Он ждет:

о крылатых событиях
Расскажет певец молодой.

Смежаю задумчиво веки
И щурю охотничий глаз...
Легенды двадцатого века
Живут и рождаются в нас.
Оно не со слов балагура —
Живое сказанье мое
О том, как полярная тундра
Московское греет жилье.
Как время по льдинам шагает —
Геолог, пастух и рыбак,
И как самолет обгоняет
Упряжку лохматых собак;
Навстречу
таранному ветру
Кедровые стены-леса.

И вышки шагают в рассветы,
Подняв над собой небеса.
Нырять песок по распадкам,
Но то не охотничий гон,
Он тащит в зубах к Ленинграду
Искристый ямальский огонь.
Идут и идут с кораблями
Палатки, вагоны, тюки,
И, с северным споря сияньем,
Растут на холмах городки.
Не будет здесь стойбищ убогих,
Работает время на нас,
Древнейшие ненцев дороги
Сплетаются с вихрями трасс.

1

Науками знания копились...
И время, окинув простор,
К нам лыжником в тундру скатилось
С Уральских грохочущих гор.
И вышкой к реке буровую
Шагнуло.

Сверкая крылом,
Снижалось, моторами воя.
И в бухту вошло кораблем.

Зимою на стойбище ненцев
В разгульной ночной тишине
Упали дрожащие тени
От желтых далеких огней.
Чернела луна от пожара,
Раскаты несли небеса.
До моря рассыпались нарты,
Пугливую весть разнося.

Скользят торопливые слухи
К предгорьям и колкам лесов,
По чумам жужжат, словно мухи,
Слезятся у едких костров.
Молва на оленьем копыте
Достигла жилья пастуха, —
Мятежное горе-событие
Встревожило ум старика.

Сердитый, с пылающим взором,
Кряжистей кедрового пня,
Глядит на закатную зорьку,
Печалась известием дня.
Разбойничье прозвище Лэнгга
Сызмальства дано пастуху.
Белеют у чума поленья,
И тянется дым за реку.
Гуляла ознобная слава
О нем до Уральских хребтов,
Всевидащий и своенравный —
Гроза всех кулацких гуртов.
Как хищник-орлан или сокол,
Коварен и неуловим,
Оленя арканом — и в сопки.
Лови — улетучился дым.
Угрюмый, послушное стадо
От волчьих клыков стережет,
Стреляя хозяйственным взглядом,
По насту к оленям идет.
А свистнет в кустарнике звонко —
У важенок уши торчком.
Ему разметаёт поземка
Тропинку колючим хвостом.

Вот, думает, в тундре напасти...
Кто род наш пугает огнем?

Отвык уж старик от несчастья
Бродить по оврагам тайком.
Откуда огнистые духи?
Дыханье подземных богов?
С пригорка строчит оленуха,
Заслышав хрустенье шагов.
Обнюхала зыбкие ветры,
Приблизилась к Лэнгге рысцой,
Как будто явилась с ответом
И влажно дохнула в лицо.

Спижается купол небесный
Над дерзкой его головой,
Окрестные тайны известны
Ему на земле ездовой;
Рычанья подземного духа
В ущельях, в горах не слышал...
Ох, вызвали люди разруху
На дедовский вольный Ямал...

Расщелины Лэнгге знакомы,
Отыщет тропинку без звезд.
Строги у природы законы,
Да сам-то он, Лэнгга, не прост.
Бураны бегут от кордонов,
С тюленьих лежанок — морей...
Для Лэнгги холмы — что ладони,
Читает он знаки зверей.

С ручьями из-за горизонта
Гусей косяки прилетят.
Вскормленный с руки олененок
По следу бредет, как дитя.

Ленивые звезды над тундрой,
Луна — молчаливый пастух.
Какое ж гремящее чудо
Являет рассерженный дух?
Смекалка у Лэнгги и опыт,
Найдется загадке ответ.
На берег испуганно, скопом
Бредут старики на совет...

А Лэнгга — он сплетням не верил —
Один, любопытством гоним,
К геологам съездил — проверил:
Над вышкой камни и дым...
Рычанье в трубу заточили,
Поймали, как зайца петлей,
И к дому зверька приручили,
У чайника пляшет «косой».

В вагончике люди гуляют.
Пылят на машинах гонцы.
Собаки в кустарниках лают,
Скрываются в норах песцы.
Волнуется тундра,
Обидно...

А Лэнгга когда-то меж скал
В расщелине выломал бивень,
Искусному мастеру дал.
Тот выточил дом-табакерку.
И Лэнгга, вещицу ценя,
Отворит точеную дверцу
В жилище минувшего дня,
Заглянет —

и вспомнит, что было
До топота резвых машин...

Красавица Лэнггу любила,
В поселке растет его сын...

Проезжих у чума встречая,
Вещицу кладет на ладонь.
И длится беседа за чаем
Про город, машинный разгон...
Сутулит отшельника старость.
Закрыв табакерку свою.
За речкой плечистые парни
Задорные песни поют.
Медведь не задрал его лютый,
Купался во льдах и в волнах.
На стойбище люди — как люди,
А он — как бродяга, в горах.
Костер догорает.
Печалью
Наполнен раздумчивый день.
За сопкою Лэнгга дичает,
Как брошенный в бурю олень.

2

Зима, набежавшая рано,
Встревожила сны старика.
Сознание, как горло арканом,
Стянула слепая тоска.
Минувшее время в березах
Петляло, как заяц-беляк,
А ныне — чумазый бульдозер
Торит меж сугробами тракт.
Геологи ближе да ближе —
Деносится звон топоров.
То винт пронесется на лыжах,
То слышится лязг тракторов.

Знобящими ветрами дышит
Ноябрь — великан-человек:
Чихнет — куропатка ледышкой
С крыла кувыркается в снег;
Дохнет — океанские волны,
Холмами катясь к берегам,
Стеклянным рассыпавшись звоном,
Смирненно ложатся к ногам.
Мороз сучковатые пальцы
В болотную глубь запустил.
Геологи — люди-скитальцы —
Взрывают ледовый настил.

Копытами гусениц пахнут
Машины на выгонах снег,
Растоптана почва, как каша.
Железные вышки у рек.
Заснеженный ягель олений
Размесит, истопчет броня.
Какое же ненцам спасенье?
Где спрячется зверь от огня?

И тьма навалилась на разум,
Напыжился в страхе старик:
Он в струях кипящего газа
Заметил божественный лик.
Умчится он к Карскому морю,
В распадок зверьком убежит,
В края, где не рыщут моторы,
От взрывов земля не дрожит.
Туда не пробьются машины:
Болота, овраги и льды...
Пастух там укроется с сыном,
Поземка залижет следы.

Торосы мороз караулит,
Подснежные мхи бережет,
Геологов стужа ссутулит,
Геологов стужа сожжет.

В поселке сынок, в интернате.
Над аркою лампа горит.
Лопочет по-русски.
Занятно!..
Понять бы, о чем говорит..
Едэйко о жизни, о новой,
Плетет чудеса языком.
Но с книгой природы сурогой
Мальчишка еще не знаком.
Задумался Лэнгга.
Он в сыне
Увидел себя молодым —
Снующим по тропам звериным,
Читающим буквы-следы.
И Лэнгга хохочет задорно:
Глаза ослепило мечтой —
В Едэйке зрачков его зоркость
И шустрых шагов его скорость,
Спасительный слух молодой, —
Догонит он прыткого зверя,
И глаз не обманут следы..
Уйти бы с ним вместе на берег,
До самой до Карской воды..
В совхозе спохватятся — поздно,
Гонцы не поспеют за ним;
Упряжка в пустыне морозной,
Мелькнув, растворится, как дым.

Костер разгорается..
Праздник!

У Лэнгги рассеялась грусть.
В дороге он спит одним глазом,
Другим наблюдает, как гусь.

...У сопки пурга разъярилась.
И чум погрузился во мрак.
Волчица у двери скулила,
Да буря шугнула в овраг.
Шагая на пастбище, Лэнгга
Заметил чернеющий снег:
Замерзший, поджавши колени,
В овраге лежал человек.
Одежда на нем меховая,
Едва над губами парок,
Он щелки-глаза открывает,
Хрипя головою мотаает,
Как пулей подбитый нырок.

Кто б ни был обманутый вьюгой —
Душа по-ненецки щедра:
Старик незнакомца, как друга,
На шкуры кладет у костра.
Больной человек, как ребенок,
Нечаянной помощи рад.
Старинные в тундре законы:
От смерти спасенный — твой брат.

Геолог, гигантского роста,
Не пьет, не глядит на еду.
Язык непонятный у гостя.
В горячечном бьется бреду.
Едэйко присел к изголовью,
Склоняется ухом к лицу,
Он голос геолога ловит
И смысл разъясняет отцу.

На шкурах Иван Подшибянов,
Начальник подземных богатств.
С тропы его сбили бураны.
У сопок он выведаль газ...

В пургу заблудиться недолго.
Мрачнеет старик у огня.
Вдруг — «мама», и «Люба», и «Волга»...
Да как старику не понять!
Он вздрогнул.
О час испытаний!
Он знает, что люди не зря
Три слова, как три заклинанья,
В предсмертный момент говорят.

Ломая завьюженный ерник.
Подкармливал Лэнгга костер;
Геолог лежал, и со смертью
Как будто он вел разговор.
И тень над его головою
Плясала, по чуму мечась.
Запутаны тропы пургою,
Но Лэнгга отыщет врача...

На нарте, закутанный в шкуры,
Геолог, как в люльке, лежит.
Везет его Лэнгга.
А буря,
Оскалясь, по следу бежит.

...Из мертвых восстал Подшибянов
(Искусны в больнице врачи)

И вновь, раздвигая бураны,
К холмам подбирает ключи.
Пред ним открываются недра,
Из дыр вырывается гром.
Высок Подшибянов.
И ненцы
Ивана зовут «маяком».

Стрекочут моторные нарты —
Ба! К Лэнгге пожаловал гость.
Пьет чай у костра
И на карте
Рисует малиновый мост.
Ямал,
Котловины метелей,
Разломы,
И рыбу в реке —
Он в кожаном носит портфеле
На хрустком бумажном листке.
Геолог в беседе кудесник,
Нет в чуме угрюмых минут,
То сказкой, то шуткой, то песней
Едэйку зовет в институт...

В груди будто острый осколок,
За сердце схватилась рука.
Ох, в каменный город геолог
Заманит весельем сына...
У Лэнгги лицо каменеет,
Глаза стекленеют, как лед.
Едэйко — сын племени, ненец,
В кирпичной коробке — умрет.
Сын — молодость Лэнгги вторая,
Орлиный ликующий крик.

Лукавством Иван отбирает
У старца глаза и язык.
Старик соглашается туго,
Кивнул и потупил глаза...
«Ты друг мой, геолог...»
А другу
Не смеет старик отказать...

...Года — перелетные птицы,
На нарте, нахохлясь совой,
Ослепший старик темнолицый
С тяжелой седой головой.
С гусями из-за горизонта
Вернулся из города сын...
На сопку взлезает по склону,
Кричит и хохочет, влюбленный
В изгибы дорог и лощин.

Но жить его в чум не заманишь,
Оленей пасти —

не мастак...

Ушел в становище Ивана —
Он в сейсмоотряде вожак...
Машины, повозки толпою
Кочуют по тундре...

А он

Как ступит в угожья ногою —
Из недр вызывает огонь.
Сын предал...

Покинутый Лэнгга
На крае священной земли,
У сопки, с оленями —

пленник...

Едэйко просторы палит.

Разгневались в трещинах боги,
Столбы полыхают кругом...
Озлобясь, отец у порога
Едэйку хлестнул батоном;
Березовый посох сломался...
И Лэнгга пред сыном упал,
Не идолу —
  богу Ямала,
Он ноги сынку целовал...

Взбесились по стойбищам старцы,
Свивают в хлысты голоса,
Стращают всесветным пожаром,
Который сулят небеса.

— Едэйко-ослушник копает
На пастбищах ямы у рек!..
— Обманщик!
— Преступник опасный!
— Он племенем проклят навек!
— Суд племени! — старцы взывают...
— Суд племени! — никнет трава.
— Суд племени! — Лэнгга кивает.
Сплетается в сети молва:
— Едэйку раздеть на морозе!
— Стравить его тело волкам!
— От гари очистится воздух...
— И пламя вернется к богам...

Ямал — белоснежная птица,
Ямал — книга новых легенд.
И дни шелестят, как страницы
Великих земных перемен.

**Легенда петляет тропинкой,
Сбегаёт в ущелье,
                                в овраг,
Трясётся в попутной машине,
Лучом выезжает на тракт;
Вот газовой трассою вьётся,
Ныряя под русло Оби,
С бригадой на стройке смеется,
Во льдах океана трубит,
С земли поднимаясь ракетой,
Она облетает планету...**

Но помнят ли внуки о том,
Как жили их деды когда-то,
Кочуя со стадом рогатым —
Был род на земле пастухом.

Едэйко, геолог летучий,
То катится к волнам озер,
То вихрем взмывает за тучи,
С бригадой спустившись,
На круче
Без дров разжигает костер...

Но месть его ждет-поджидает,
Стрелу изготовил мороз,
А старцы на стойбище дальнем
Расправу готовят всерьез.
Дымится костер уговора:
Помчатся упряжки стрелков,
Изловят Едэйку, с позором
Доставят на суд стариков.

— Зачем выпускает погибель
Из черных подземных дверей?
— Уйдет белотелая рыба
И в тундре не станет зверей...
— Кому, непокорный, он служит?
— Род ненцев изжарит в огне...
— Пусть голый в сугробе, от стужи
Помолится стылой луне!

Крикливые старцы бессильны
Вернуть непослушного в чум.
Встречает он взгляды косые
И полон встревоженных дум.
Печаль разглядел Подшибянов:
— Что думают ненцы долин?
Страшятся ревущих фонтанов?
Поведай им правду, как сын!

Все просто и ясно Ивану,
Он полон уверенных слов:
— Ямал, как корабль в океане,
По волнам кипящих буранов
Стремится к огням городов.

Ты выжал предельную скорость,
Полоска земли впереди...
Ты сбавь обороты моторов
И риф стороной обойди...

Едэйко захвачен беседой,
От слов загорается взгляд.
Он племени сын и наследник,
Сменивший старинный наряд.

Печалюсь, отец озабочен,
Едэйку для рода спасти:
Мол, школьники-ненцы гурьбою
Бегут в города за тобою,
Кому же оленей пасти?..

И видится перед глазами
Отец — одряхлевший пастух,
И силы угасли с годами,
И ум стариковский потух.

А память рисует картины,
И детство, как кадры кино:
Полярная ночь над долиной,
В остуженном чуме темно.

Горбатый завьюженный берег.
Промерзшие,
Без топора,
Заснеженный дергали ерник
Да грели детей у костра.
Столетиями жены Ямала,
По поясу зарывшись в сугроб,
По веточке хворост ломали
Для дымных коротких костров.

Бураны рассерженно свищут.
Едэйко с Иваном в мехах
К охотникам входят в жилища,
Чтоб все объяснить пастухам.
До полночи выются рассказы,
Лучится прозренья в умах.

— Да сколько ж подземного газа?
— И кем он припрятан впотьмах?

Восторг на пастушеских лицах.
Едэйко с гурьбой — за порог.
Упряжки, как птиц вереница,
В вагонный летят городок.
Там фыркает рыжее пламя,
Резвится на сопке крутой.
Ах, жаль: невозможно погладить
Лохматого зверя рукой.

Толпятся у зарева ненцы,
Обходят трубу не спеша,
Почудилось им на мгновенье —
В стихии резвится душа.

Стократ воспою буровую,
Что свет над равнинами льет.
Кромешную мглу вековую
Забудет мой добрый народ.

Кипенье ушанок и малиц.
Едэйко, без хитрых затей,
Целует, в толпе обнимает
Всех ненцев, как милых друзей;
Сородичам веское слово
Подносит, как чарку вина.
Продрогшая в тучах суровых,
Смутясь, прослезилась луна.

Нахмуясь, сидит Подшибянов,
Уперся глазами в костер...

Где Лэнгга?
Забытый, незванный,
Не гонит оленей во двор.
Один он тоскует у стада,
Свое беспокойство пасет
И только вздыхает устало,
Как будто он гору несет...
Народ у поселка толпится:
Запомнить бы все наизусть
И речью напиться досыта
Из звучных Ивановых уст.

О, слово события пророчит,
Блестит путеводной звездой,
Раздумья брусочком заточит,
А душу окатит водой;
Мысль снежные горы растопит,
Стремлением очи зажжет,
На старой ненецкой дороге
Железных коней запряжет.

О, слово! Намек и волненья...
Орудье познания глубин.
Но яблоки слов не заменят
Величия зримых картин.
Советское время крылато.
Над стройками гул голосов,
А тундра, как круг циферблата,
И вышки, как стрелки часов.

Где ж Лэнгга?
За сопкой усталый
Под звездами в нарте сидит,

Он сном, как цветным одеялом,
От мрачных раздумий укрыт.

Надолго ли...
Важенка носом
Толкает хозяина в бок...
Проснулся.
За темной полоской
Луны серебристый клубок.

Медведица мирно пасется,
К холму повернулась хвостом.
Вот скоро и зорька проснется,
Лисицу спугнет под кустом.

Старик снаряжает упряжку,
Куржак утирает с лица.
Отыщет Едэйку-упрямца...
Ох, сын! Уродился в отца...

4

Мчится Лэнгга,
Мчится Лэнгга,
Думы важные везет.
Гей, олени!..
Быстрой тенью
Догоняют горизонт.

Бронзой снег горит под нартой,
Луч блестит над головой.
Ветерок трусит по насту,
Гладкий путь блестит слюдой.

Растопил тумана кольца
Ослепительный огонь —
Шаром выкатилось солнце
Сопке в крепкую ладонь.

Мчится Лэнгга.
Воздух звонко
Рогом трогает олень.
Дует в солнышко поземка,
Раздувая светлый день.

Мчится Лэнгга в гости к сыну,
К мачте вышки буровой
По холмам — горбатым спинам,
По ложбине ездовой.

Нарты, легкие, как птицы.
Брызги снега — кружеза.
А поземка-мастерица
Расшивает рукава.

Только тронешь нарты с места,
Тонкой ниткою пурги
Шьет орнаментом ненецким
Меховые сапоги.
Мчится Лэнгга, наблюдая,
Как ветвистые рога
Солнце в толстый бок бодают,
Сыплют искры на снега.
Залегли у моря бури.
Наст натянут впереди,
Под копытами, как бубен
Толстой кожей гудит.

Под пуховым одеялом
Спят травинки, смотрят сны.
Им копыта простучали
Колокольцами весны.
Лэнгга шест, подняв, настроил
На воздушную игру —
Загудел хорей струною
Над рогами на ветру.
В тонких звуках птичий танец.
На распахнутых лугах
Едет Лэнгга и читает
Жизнь зверей на берегах.

Старца крепкая фигура,
Нарт неистовый разгон.
Вскинув голову, прищуром
Встретил Лэнгга горизонт.

Газотрасса черной лентой.
Снег апрельский разрыхлен.
Обгоревший мох олений,
Незнакомый гул и звон.
Прет машин железных стая.
Гарью пахнет ветерок.
Скачет прочь, куда не зная,
Перепуганный зверек.
Хлопья белых куропаток
От поселка гонит страх, —
Расплываются, как пятна
В озаренных небесах.

Мчится Лэнгга —
Скрип постромок.
Далеко до буровой.

Купол гулкий и огромный
Над усталой головой.
Мачты, мачты в белом поле --
Сын дорогу застолбил.
Не забыл ли сын-геолог
На холме родных могил?..

Мчится Лэнгга, вспоминая —
Жизнь-дорога нелегка.
Он ретивых погоняет
Зычным криком пастуха.
В сердце гаснет день вчерашний —
Сыновья-то как смелы!
На холме поет упряжка
Звонче дедовской стрелы.
Дух ненецкий в бурях ночи
Не согнулся, не ослеп.
Время по небу грохочет, —
Лэнгга долго смотрит вслед.

Мчится Лэнгга,
Мчится Лэнгга,
Хвост мечты зажав в кулак...
Глядь: уж новая легенда
Выезжает на большак.

Содержание

Олени бегут на восход. (Поэма). Перевод А. Каныкина	3
Хорей. Перевод В. Афанасьева	17
Пробуждение. Перевод Л. Шкавро	18
Аргиши. Перевод Б. Попова	20
«Под месяцем острым...» Перевод В. Фалея	23
Охотник. Перевод В. Фалея	25
Морошка. Перевод В. Фалея	27
«Перемены, перемены...» Перевод В. Фалея	29
«Моторка на речной равнине...» Перевод А. Каныкина	31
Олень. Перевод Б. Попова	34
Север. Перевод В. Фалея	36
Мне помнится... Перевод В. Фалея	38
Материнские слезы. Перевод Б. Попова	40
Белые ночи. Перевод В. Фалея	43
Прерванная песня. Перевод А. Качыкина	45
Дыхание земли. Перевод А. Каныкина	48
Работа. Перевод Л. Шкавро	52
На струне времени. (Поэма). Перевод В. Фалея	53

Лапцуй Леонид Васильевич
НА СТРУНЕ ВРЕМЕНИ
Стихи и поэмы

Редактор Л. Дубаев

Художник В. Толстоногов

Художественный редактор Б. Мокин

Технический редактор Л. Дунаева

Корректоры Н. Попикова, Н. Саммур

Сдано в набор 6/VII-1975 г. Подписано к печати 29/VIII-1975 г. А12428. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,89. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4678. Цена 29 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, г. Рязань, ул. Новая, 69
Рязанская областная типография.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Просим Вас свои отзывы о книге, ее
содержании, художественном оформ-
лении и полиграфическом испол-
нении направлять по адресу:*

121351, Москва, Г-351,

Ярцевская, 4

Издательство «Современник»